

Константин Князев

Погост на Долгом Логу

Константин Князев
Погост на Долгом Логу

«Автор»

2026

Князев К.

Погост на Долгом Логу / К. Князев — «Автор», 2026

Ой, станичники, не ходите в Долгий Лог — Там память мёртвых стережёт
столетний порог!

© Князев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I	5
Глава II	6
Глава III	7
Глава IV	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Князев

Погост на Долгом Логу

Глава I

Осень 1994 года пришла на Дон рано и зло. В начале октября уже стояли утренние морозы, и станица Вёшенская-малая — не та самая, знаменитая, а маленькая, одноимённая, затерявшаяся в двадцати километрах к северу, за балками и полынными увалами, — просыпалась в белой изморози. Тополя стояли ободранные, оголённые, как обнажённые нервы, и ветер гнал по улицам жёлтый лист с сухим шелестом, похожим на шёпот.

Лена Мещерякова жила в этом городке всю свою двадцатипятилетнюю жизнь, из них последние два — после смерти отца — одна, в старом доме с покосившимся крыльцом и садом, который теперь зарастал лебедой. Днём она работала в районной библиотеке: небольшой, пыльной, с колченогими стеллажами и запахом разложившейся типографской краски. Зарплату не платили по три месяца, электричество давали с перебоями, и по вечерам Лена читала при керосиновой лампе, доставшейся от бабушки, — и от этого чтение приобретало какой-то архаичный, неправдоподобный вкус, будто читала она не книги, а письма из прошлого века.

Именно при керосиновой лампе, в конце сентября, она и наткнулась на него.

Это была старая опись церковного имущества за 1926 год — тонкая папка в серой обложке, которую кто-то из районных историков сдал на хранение ещё при Хрущёве и которую с тех пор никто не открывал. Лена разбирала фонды для инвентаризации, отмывая руки от столетней пыли, и сначала даже обрадовалась находке: краеведческая ценность, можно приобщить к выставке «Храмы и приходы донского края».

А потом она развернула четвёртый лист.

Среди казённого перечня — «колокол медный, воловий вес», «образ Спаса в киоте дубовом», «пономарская утварь, ветхая» — значилась строка, вписанная другой рукой, с нажимом, почти продавившая бумагу:

«Погост прихода Долгий Лог закрыт решением сельсовета от 14/III 1930 г. Кресты снести не велено. Землю вынимать из-под лежащих не велено. Входы засыпать. Больше туда не ходить и имени того, кто там поют, вслух не произносить. Доклад рапортом подано благочинному».

Лена перечитала трижды. Сначала показалось, что это чья-то шутка, приписка дурачка. Но рука была старой, дореволюционной манеры письма, и дрожь, пробежавшая по строчке «вслух не произносить», не была литературной.

— Больше туда не ходить, — повторила она вслух в пустой библиотеке, и лампада света закачалась на её ладони, как будто сама испугалась.

За окном, за стёклами в две тряпки от оконной рамы, шумел осенний ветер. И где-то далеко, в степи, в сторону чёрных балок, он затихал — или ей так показалось, — словно там, на северо-западе, что-то огромное и невидимое придавило его лапой и велело быть тише.

Глава II

Про Долгий Лог Лена слышала с детства. Не так, как слышат про нормальные места — с географией и дорогой, — а так, как дети слышат про страшное: полуфразами, шёпотом, обрывками на перемене между уроками и на летнем выгоне.

Долгий Лог — это длинная балка в пяти верстах от станицы, заросшая чёрной ольхой и вербой, с ручьём на дне, который не пересыхает даже в засуху, потому что идёт из подземных жил. Там, на склоне лога, ещё при её прабабушках было кладбище. Чумное — так говорили старики. Не чумное, впрочем, а голодное: в двадцать первом и двадцать втором годах, когда по Дону прошла моровая язва после гражданской, туда свозили мёртвых со всей округи, десятками, возами, и хоронили в общих ямах, без отпевания, без икон, без поминального чина. Некоторых — так шептались старухи у колодца — хоронили раньше времени. Засыпали живыми, потому что живых умирать уже некому было проверять.

С тех пор Долгий Лог стоял нетронутый. Колхозы обходили его стороной; когда в пятидесятых распахивали степь, тракторист Степан Дед — единственный, кто решился проехать трактором по склону лога, чтобы вспахать его под бахчу, — вернулся к станице поседевшим, нёс в себе что-то, что не выговаривал, и через полгода умер врасплох, на току, держа в руке недосып зерна. Мальчишки с той поры не гоняли туда на велосипедах. Взрослые не прогоняли скотину по склону. Даже гуси, будто чуяли, не селись на воду ручья, текущего из лога.

А легенда была одна — самая простая и оттого самая страшная из всех городских (и сельских) легенд: если поздно вечером, стоя на краю Долгого Лога, назвать вслух имя того, кто тебе дорог, — имя по своей воле или по чужой — то оно откликнется. Не из лога. Изнутри. Из самого нутра земли, глухо, как будто оттуда, снизу, тебе отвечает тот, кого ты позвал. И тот, кто услышал отклик, — на следующий год обязательно придёт в Долгий Лог погостить.

Навсегда.

Лена, как всякая разумная девочка, в это не верила. Как всякая живая девочка, не веряла.

Но теперь, сидя над жёлтой описью 1926 года, она смотрела на выцветшие чернила — «вслух не произносить» — и понимала, что легенда родилась не из страха, а из запрещения. А запрещение родилось не из страха, а из того, что кто-то, в 1930 году, действительно видел в Долгом Логу то, из-за чего запретили ходить туда и сносить кресты, и вынимать землю.

И записал. И благочинному подал. И благочинный — судя по всему — не отписал «абсурд», как отписал бы про любую другую деревенскую жуть, а молча завёл папку, поставил на неё гриф «хранить» и забыл, то есть не забыл ни на день до самой смерти.

Слово «погост» в старых описях звучало нейтрально. Слово «погост» в детских страшилках звучало жутко. А слово «погост», произнесённое голосом Лены в четыре часа пополудни в пустой библиотеке, вдруг прозвучало как предупреждение, данное лично ей.

За окном зашумело сильнее.

Глава III

Катя приехала из Ростова в конце первой недели октября — как всегда, неожиданно, с двумя тяжёлыми чемоданами и запахом парфюма «Chanel 5», которым Катя, двадцатитрёхлетняя, наполовину местная, наполовину столичная, владела как оружием. Они дружили с Леной с восьмого класса — дружбой, которую тогда, в детстве, называют вечной и которая в двадцать пять уже умеет обходиться без громких слов: просто двое знают друг о друге то, чего не знают иные даже о самих себе.

— Боже, — сказала Катя с порога, стягивая сапоги, — у тебя дом как в Тарковском. Даже гниль та же самая.

— Привет тебе тоже, — сказала Лена, обнимая её. — Ты постричься приехала?

— Я к бабушке. Она лежит, знания собирать. Умирать, между нами, собралась. — Катя скинула пальто и мгновенно стала собой: худая, острая, с глазами тёмными и слишком яркими, как у человека, который в городе выучился не доверять тому, что видит. — Но раз уж я здесь до конца октября... я привезла тебе дурные новости.

— Приветливая ты какая.

— Новости такие: я привезла пустые кассеты, диктофон «Олимп» и полное намерение записать всё, что бабушка помнит. Для будущей книги. Ты ведь помнишь, я хожу в этот дурацкий фольклорный кружок при универе?

— Помню.

— Так вот. Первым объектом я объявляю вашу родную станицу. Мне нужны страшные истории, приметы, байки, ленды. И прежде всего — Катя сделала паузу, посмотрела в потолок и закончила самым деловым тоном, — мне нужна вся правда про Долгий Лог.

Лена замерла с чашкой в руке.

— С чего вдруг?

— С того, что мне бабушка сама в письме весной написала: «Ты бы, дурра, съездила к нам, да в Долгий Лог не заходи». И всё. Никаких объяснений. Ты можешь себе представить бабу Серафиму в роли таинственной ведуньи? Она тридцать лет цитировала Горького вслух. И вдруг — «не заходи».

Лена поставила чашку. Сердце стукнуло — один раз, тяжело, как будто ударило в дверь.

— Кать, — сказала она, — у меня есть кое-что поинтереснее твоей бабушки.

Она пошла в библиотеку — нет, не в ту, районную, а в свою, домашнюю, где на верхней полке шкафа, среди отцовских словарей, лежала теперь снятая с учёта папка. Она не должна была снимать её с учёта. Она сняла — тихо, в пятницу, за день до инвентаризации, и записала в графу «выдано временно, для ксерокопирования». По сути это был подлог, и Лена, впервые в жизни, испытала странное, пьянящее чувство: будто она крадёт не бумагу, а живую тайну, и тайна идёт с ней на руки, как чужой ребёнок.

Она положила папку перед Катей, как кладут на стол карту места, куда собираться.

— Читай четвёртый лист.

Катя читала долго. Потом — ещё дольше. Потом подняла голову, и Лена заметила, что тёмные глаза её слегка расширились и в них проступил тот самый испуг, который в Ростове Катя, наверняка, не показывала никому.

— «Вслух не произносить», — прочитала она вслух. — И имени того, кто там поют, вслух не произносить. Лен. А что они там поют?

— Этого не знает никто, — сказала Лена. — Но, Катя, меня пугает не то, что там поют. Меня пугает, что если там поют — то до сих пор. Девяносто четвёртый год. Кресты не снесены. Земля не тронута. Кто-то до сих пор считает, что туда нельзя ходить.

— Или не считает, — тихо сказала Катя. — А просто до сих пор слышит.

Глава IV

Они проговорили до третьего часа ночи. Сначала — по-литературному: о краеведении, о двадцать первом годе, о раскулачивании, о том, что голод на Дону был, а теперь об этом, кроме дедов, никто не помнит. Потом — по-человеческому: Катя сняла пальто с вешалки и повесила обратно, потому что уходить не хотелось; Лена развела огонь в печке, и дом ожил запахом горячего кирпича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.